

Ната Сучкова
Ход вещей

Ната Сучкова

Ход вещей

Москва

«Воймега»

2014

УДК 821.161.1-1 Сучкова
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
С91

Художник серии: Сергей Труханов

Н. Сучкова

С91 Ход вещей. — М.: Воймега, 2014. — 64 с.

ISBN 978-5-7640-0156-2

Ната Сучкова родилась и живёт в Вологде. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького. Стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Арион», «Октябрь», альманахах «Алконостъ», «Вавилон», «Илья» и других. Лауреат Малой (2011) и Специальной (2012) премии «Московский счёт», Малой Бунинской премии (2012). «Ход вещей» — третья книга автора.

*Книга издана при поддержке Министерства культуры РФ
и Союза российских писателей.*

© Н. Сучкова, текст, фото, 2014
© С. Труханов, оформление, 2014
© «Воймега», 2014

* * *

Даже не волей — порывом отчаяния
Вспомнить то время: меня ещё нет,
Папа заходит и ставит чайник,
Мама заходит и выключает
Чайник и гасит свет.

Вот они в сумерках непроглядных,
Боже, ещё их мгновенье не тронь!
Мама его по щеке погладит.
(Время — короткое, как халатик.)
Папа её поцелует в ладонь.

Что с этим делать, увы, непонятно:
Крикнуть, прижаться, бежать со всех ног?
Я получился такой невнятный
(Равно похожий? Ну, это вряд ли...),
Ломанный, как цветок.

Я им придумал за всё, что забыто,
Вроде бы так отдаю должок.
Вот и стою, как цветок, — раскрытый,
Укоренённый, втопанный, врытый —
Там, где меня — не должно.

* * *

Всё мне кажется: я иду по дну —
вон, поодаль, — с удочкою старик.
Как, скажи, отходить ко сну, отлетать в ину
без любимых книг?
Вот доносится шум или плеск воды,
как в бассейне, со двора,
на втором посту тишина гудит,
как русалка, спит медсестра
на своём посту, на очки носу,
рукавом, водой протереть,
вроде видно всё, но, когда усну,
ничего нельзя разглядеть.
Меркнет свет в очках, бродит кровь в врачах,
так и я хожу тут брожу,
если я когда вдруг умру в очках,
что увижу — тебе скажу.

*Вижу мальчика кудрявого,
в коридоре гасят свет,
а трёхтомника Иванова
у меня теперь и нет.*

* * *

Лампа тусклая, призрачный матовый свет,
видишь рифмы — твоим не чета,
вот ещё один мёртвый хороший поэт,
ты его почитай.

Как он крепкие курит на лестнице с психами
и стоит у перил и качается,
и ещё всего много другого напихано,
но потом и хороший поэт всё ж кончается.
А дурацкая музыка через усталость
все поёт, хоть ты тресни,
чтобы каждое слово валялось
в беспорядке на том самом месте.

* * *

На привокзальной плац-парадной
Среди линиялых и помятых
Сидит поэт второго ряда
В ряду четвёртом или пятом.

Чем пистолет ему заряжен,
Чтобы проснуться без усилий
На белом облаке лебяжьем
С чудесным паркером гусиным?

На облаке, а не в холщёвом,
В футболке выцветшей отцово́й,
Неужто косточкой вишнёвой?
Неужто пулькой леденцовой?

Гудит перрон, идёт подсадка,
Собаки рвутся с поводков,
Сидят на корточках ребятки —
Им далеко до облаков.

Ночь холодна, и небо сине,
Закрой глаза, гадай по книге:
Все на полшага отступили,
И он, на корточках, — великий.

* * *

Памяти Натальи Горбаневской

Дух бестелесный, он реет и там, где не хочет, —
ветер чуть дунул, и вот он уже унесён,
выйдешь на площадь — и сразу же ноги промочишь,
так и стоишь с детским шариком под козырьком.

Просто стоишь и не ждёшь никакого там знака,
смотришь, как возле тебя зажигают огни,
рядом с тобой, но тебя ещё терпит бумага
«Знамени», «Воймеги», «Дружбы народов», «ОГИ».

* * *

На башенном кране написано «РЖЕВ»,
Два ангела — в шлёпках, в исподнем,
Не видно, прилипнув к стеклу, приржавев,
Что в облаке их происходит.
— Товарищ начальник, болит голова,
До пёрышка ватник промок!
— Какая погода, какая страна,
Какое столетье, милоч?
К ребру батареи приклеен носок,
Футболки на шконке навалом,
И серого неба колючий кусок,
Подоткнутый, как одеяло.

* * *

Говорит дед Никола, окая, давно уже мёртвому деду Борису:
«Лучше видно вот с этого облака, что в цветной тебе телевизор!
Или с ДОТа того, непрочного, вон, всё в дырах залатанных, в щёлях,
Что ж ты плохо следишь за дочерью, или, как тут глаголят, дщерью?»
Отвечает Борис вновь прибывшему бородатому Николаю:
«Здесь нельзя смотреть вниз, как по телевизору про цыганей и Будулая,
Ничего здесь, прошу, не трогайте — эта оптика дорогая,
Я давно тут, и я на многое про живых глаза закрываю.
Если б жизнь на земле ворочалась волей нашей — и нашей тоже,
Я бы вашего сына дочери пожелал бы в мужья? Что ж — может...»
Пропустили бы, эх, по маленькой, со знакомством — пехота с танкистом,
Дед Никола — худой и старенький, дед Борис — молодой, плечистый.
Обходя кучевые тучные только с краю, по бороздам:
«До чего ж хорошо окучено, я бы лучше не сделал сам!»
Так и ходят: у Николая в рукаве мельтешит пчела,
А Борису шинель полевая, ох, мала, и давно мала,
Собирают в кисет солдатский (табачку бы!) цветки акаций,
И никак не договорятся, и никак не наговорятся.

* * *

Хорошо да сладко спати, не бояся мёртвых,
в старом бабкином халате, на грудях протёртом.

Никого не узнавати, точно знать, наверно,
в новом матушкином платье, что твоя царевна.

В одеяльце тонкой байки спать да спать укрывшись,
в тяткиной линиялой майке с лопнувшей подмышкой.

Хорошо да сладко спати, знать, что смерти нету,
пусть толпятся у кровати, согревают светом.

Но они кровать качают, одеялку тянут,
свет рассветный излучают, ждут, когда я встану.

Встану-встану, дорогие, наведу порядок —
прополоть приду могилок сумрачные грядки.

Вы теперь опять далече, оттого тиха я,
улыбнусь лишь, как замечу бабочку, жука ли.

* * *

— Вырви с корнем лопушок,
приложи к больному уху
белой, тыльной стороной,
ну же! Видишь — всё прошло,
вся проруха — на старуху,
раз-два-три — и ты живой!
Вырви с корнем лопушок,
подержи во рту травинку,
хочешь жизнь какого вкуса?
Вот — сироп, вот — порошок.
Только небо нананику!
— Не пойму, скажи по-русски!
— Битым быть, куда пошёл?!
Говорю тебе по-русски:
всё как будто наизнанку,
видишь, здесь неровный шов?
— Малосольного мне вкуса,
чтоб горели швы и ранки!
— Вырви с корнем лопушок!

* * *

*Стрекочут старенькие ходики —
от сентября до сентября,
ночами духи второгодников
боятся пьяного тебя.*

Картинки выставить вдоль стен —
ох, петухи-певухи!
То первогодка, то интерн,
то школьник лопоухий.
Картинки выставить вдоль стен —
обои все облезли,
то первоклассник, то интерн
и три с тобой балбеса.
Смеются: «Я сейчас помру!»
Дурачатся, хохочут,
на фоне надписи в углу
«Рентгенограмма почек».
На фоне надписи «Май. Труд»
кривляются, мешают,
потом и правда все умрут,
как ты ни воскрешай их.
За ними ангелы придут,
боящиеся крови,
всегда крутившиеся тут,
в дверях патанатомии.
Тайком курившие в углу,
и ты, молодой дебил,
ещё — ты помнишь? — одному
«Родопи» прикурил?

Картинки выставить вдоль стен,
прикрыть неплотно двери,
а он потом тебя хранил,
а ты в него не верил.

* * *

Намотали километры и сигналият у дверей:

— Съел я, Боженька, конфетку, накажи меня скорей!

Намотали километры, чей харлей без тормозов?

— Съел я, Боженька, конфетку, посмотри скорей в глазок!

Намотали километры, баки полны детских слёз:

— Съел я, Боженька, конфетку и тебе ещё принёс.

* * *

Как твоих растить нам мальчиков? Бабы мы, оторвы мы!
Есть отдельный рай для пасечников — с двухметровыми заборами.
Много здесь, смотри, народу! Поглядел? Теперь грусти.
— Привези мне, Лёша, мёду! — Отчего не привезти!
Сколько мёда в медвежатках! Лапы ёлок сладки!
А в земле, как все, лежат — в низенькой оградке.
Кабы пил одну лишь воду — холили б, лелеяли.
Горького лесного мёду — тёмного, кипрейного!
— Как у вас теперь погода? Не открыт ещё леток?
— Привези мне, Лёша, мёду! — Да не тот уже медок...

* * *

Плачет виноватка — жизнь на волоске,
прохудилась пятка на одном носке.
Деточки в носочках — мамины грехи,
папины ли дочки, сукины ль сынки?
Холодно ли жарко? Табачок ли мёд? —
за прилавком Парка нитки продаёт.
Чтобы так же сладко плакалось и мне,
спрячу виноватку в штопаном носке.

* * *

В срочном ремонте золота и серебра —
Золота и серебра маленькая гора.
Осоловело мастер смотрит на пальцы свои —
В золоте и серебре, точно в какой-то коре.
Нет никаких сокровищ, есть лишь одна работа,
Груда цепочек, пропитанных бедным потом,
Лесочка тонкая, ножичек перочинный,
С грузом крестов — нательных и так влачимых,
Сваленные для сдачи круглые медяки,
Ломаное простое золото, бедные бедняки.

* * *

Как круглей всего земля с северу,
Как наелися теля клеверу,
Не мычат, а голоса-охают,
Точно в каждом с порося облако!
Бабы ахали себе в подойники,
Зоотехников зовя и угодников.
Ну а к вечеру пришёл недотыкомка,
Проколол пуза телям вилкою —
Кольхались по задворкам простыни,
Выходил дух звонким шипом-посвистом.
И стоят теперь теля на лугу,
Каждый — с дырочкою в левом боку.

* * *

Идёт Никола зимний —
в сугробах тают плечи.
На зимней ли резине?
В поддёвке ли овечьей?
Тепло от тонкой свечки,
он греет всех, неважно —
в поддёвке ли овечьей,
в футболке ли бумажной.
— Довольны ли? — Спаси Бо!
Кружится снег, играя,
похож Никола зимний
на деда Николая.
Идёт с реки навьючен,
и пар над ним живой,
как облако, нет — туча
с косматой бородой.

* * *

Всё вокруг темно и страшно — бука злобный схватит,
Пластилиновый барашек вывалялся в вате.

Скрипнут тоненькие двери, тьма на белом свете,
Пластилиновые звери топчутся в вертепе.

Слон картонный, хобот длинный, киндеры-сюрпризы,
Люди — из воды и глины, лоскутки, огрызки.

Мир немного не доделан — выдохни и жди,
Чтобы нам над светом белым лампочку зажгли.

* * *

Как Марусенька овечка потеряла,
всё лежал он на крылечке, и пропал он,
всё дремал он на крылечице, как котик,
а теперь и не доклучешься, где ходит.

До чего же был он ласковый овечек,
до чего же был кудряв он и доверчив,
до чего же был он милый и хороший,
все в округе говорили: «Агнец божий!»

А теперь беда — овечек потерялся,
где-то носят черти этого засранца!
Нет ни шума на крылечке и ни топота —
пропадает наш овечек где-то пропадом.

А идёт себе овечек возле речки,
и встречается другой ему овечек,
тут овечку, делать нече, минус в карму:
смотрят в речку и из речки два барана.

* * *

Ты скажешь: «Всё это было там, где пароходы
заходят в мутный наш Иордан и мутят воду».
Но есть ещё берега реки — там, где придётся,
сидят копчёные рыбаки и cedят солнце.
А дальше — реки чуть промотав — мороз по коже,
и свежепойманный крупный карп уже морожен,
и снег ложится, как благодать, и из купели
всплывает щука, чтоб мне сказать: «Мели, Емеля!»

* * *

В детском парке катают на пони
Изо всех — в пол-лошадки — сил,
Ослик стёршийся на иконе
Морду грустную опустил.

Голоса поют о заветном,
Из-под лавок, накрытых стёганным,
Выметает матушка вербы,
Точно птицею, шваброй встрёпанной.

Голоса поют про прошедшее,
Выше, выше — парят над нами,
И торжественно зрят вошедшие
На свечей золотое пламя.

Только дурочка — в рыжий крашена,
С пальмой комнатной на снегу, —
Улыбается всем и каждому,
А не глупому своему.

* * *

Живут на угоре два брата,
живут — ничего не надо.
От одной матери,
да от разных отцов,
каждый — в чужого отца лицом:
младший — красавец, старший — бугай,
один — светленький, другой — тёмненький,
одного мать назвала Николай,
а второго — Николенька.
Поднесла паспортистке, чтобы не кричала,
так как каждому из отцов обещала.

Месяц светит над трубой и трубой,
дом у них — добротный, красивый,
у Николеньки — забор голубой,
а у Николая — синий.
На чужое добро не зарятся,
да и проку-то в чужом-то в нём,
у Николеньки — жена красавица,
ну а Николай — бобылём.
Вот выходят они на собачий лай,
каждый от своей браги пьян:
— Ну, здорово тебе, брат Николай!
— И тебе не кашлять, Колян!

Так вот окрестила их мать,
ничего про святцы не зная,
не из чего тут выбирать —
сам заступник за тебя выбирает!

А сейчас — повяжет платок
и дрожит — травинка суха, —
вспомнит: в середу и в пяток
ни один не пил молока!
Старый фельдшер — дух упокой,
в бородёнку бляял: «Свят-свят», —
и махнул на девку рукой:
«В пост твои младенцы дурят».
И младенцы выросли, вот,
проводить её к праотцам:
Николай стоит у ворот
и Николенька — у крыльца.

* * *

Стоит — рукав замызганный — и радостное пьёт,
Махнёт рукой, и брызгают ватаги воробьёв,
Бежит, на солнце светится — сквозь ранец, сквозь пальто.
— Тепло ли тебе, девица? — Тепло-тепло-тепло!

Всё рытвина, колдобина, ну а она — плывёт,
Несёт, как груз диковинный, беременный живот,
Вся белая и мягкая, вся — птичье молоко.
— Не тяжело ли, бабонька? — Легко-легко-легко!

Стоит, едва не падает, себя среди дерев,
Как старенькую яблоню, клюкою подперев.
Жизнь длинная исхожена — чуть-чуть, ещё чуть-чуть.
— Ну, одуванчик божий мой? — Лечу-лечу-лечу!

* * *

Эти крыши, колокольни и мосты,
Купола, облака, расстояние вытянутой руки,
Дядя Миша не боится высоты,
Ибо карабины его крепки.

Дядя Миша никогда не смотрит вниз,
Что ему там — облака, река, дорога?
В трудовой его — «промышленный альпинист»
Господа нашего Бога.

Только даже он — подводил ли когда глазомер? —
Засомневался, себе на глазок поверив,
Хватит ли меры — позолотить химер
Или уже перемерить?

* * *

— Дайте, девочки, *ваду́* мне! —
так пропойца говорил.
Это мир его придумал
или сам он мир родил?

Во приёмном во покое
и тепло, и благодать,
да ещё болит такое,
что не стыдно показать.

Девочки парят сестрички,
спинами белеют,
или это с непривычки
свет в конце тоннеля?

Интересно девки пляшут,
фельдшерица сшила тонко.
Ну так что там нараспашку?
Так — всего лишь рубашонка.

* * *

После долгой болезни, ну — поймали — запоя,
Тормознёт у подъезда: чё тут, ёпта, такое?!

Пусть с утра он болеет, но к обеду наглядно
Поправляет на небе и земле непорядок.

Примотав изолентой, проколов в два стежка,
Стайка ангелов мелких — надо лбом, как мошка.

И висит над скамейкой на сопле, на припое
В пузырях самоклейки голубо-голубое.

* * *

Дыша духами и туманами,
одеколоном «Шипр» — без сдачи нам! —
здесь называют ресторанами
уборные, чуть отстоящие
от домиков кривых, потерянных,
но крепких дедовых, приземистых,
где сотни лет идёт по телику
прекрасное «Давай поженимся».
Где — прямо шёл, так и заблудишься,
а чуть свернул — всё ясно стало,
где разливают «Шипр» по блюдечкам
за неимением бокалов.
И тот альбом, где все покойники
отдельно сложены, припрятан,
и кролики с глазами кроликов
из клеток смотрят аккуратных.

* * *

Почтальонша Люсенька — зад в горохах жёлтых,
бабочка-капустница села на крыжовник.
Бабочки — красивые, чтоб им было пусто, —
что б мы тут ни сеяли — вырастет капуста.

Кузовок от москвича, груда кирпичей,
тут тебе не москвы, чай, — будет с нас и щей!
Но ещё найдёшь пока, коль не пальцем делан,
пацанов по лопухам, а в капусте — девок.

— Здравствуй, почта, дуй-ка к нам — есть чем похмелиться!
На китайский сарафан бабочка садится.
— Ох, прости, Заступница! — крикнет и закусит
бабочкой-капустницей с сарафана Люся.

* * *

Лёд-ледок — на молочный зубок,
на советский пятак полновесный,
ну а воздух — тяжёлый, как вздох,
вон, ребят попроси — перевесят.
Небо синее на болтах
мужики прикрутили здесь,
перепачкались в облаках,
мне не кажется — так и есть.
Так и будут стоять потом,
протирая — ну, нах! — глаза,
под рекламным кривым щитом
да на лестнице в небеса.

* * *

Саня Горыныч, всё то, что ты как бы ну пьёшь,
В пламени синем, зелёном, отнюдь не коктейльном,
Маленький катер со стёршимся именем «ЁРШ»
Медленно-медленно, медленно-медленно едет.

Скромный улов, не годящийся на переплав,
Всё медяки, всё какая-то рыбная мелочь,
Сколько ни пробовал в юности ромовых баб,
Всё не пьянел, всё никак не пьянел, как хотелось.

Не потому ли ладони твои холодны?
— Сколько ни пробовал, слышите, ромовых баб!
Мимо железных ракушек, казармы, тюрьмы,
Старого тополя, круглого, как баобаб.

Пламенем синим, зелёным — тепло, горячо!
Ну, оглянись! Ничего неужели не жалко?
Музыка-девочка плачет, уткнувшись в плечо
Худенькой скрипкой облупленной из музыкалки.

Гром и Гром

Собаку зовут Гром, и лодку зовут Гром,
И это рассказ о том, как Гром сторожит Гром.

На облаке золотом, бывало, Нептун проплывёт,
И мрачно молчит Гром, а Гром рыбёшку жуёт.

Трезубец блеснёт в руке, и вот — половодье, лёд,
И будка плывёт по реке, и лодка за ней плывёт.

И носом качает Гром, ну как, мол, тебе, брательник?
А Гром виляет хвостом, линиялым в полоску, как тельник.

* * *

Провались, земля и небо,
я на кочке проживу!

Белозёрская частушка

И вот они плывут на плотике —
смеются, курят «Волго-балт»,
за трудодни колхоза «Родина»
на родину глядят.

На плотике, как пароходике,
пропахшем тиной и снетком,
на бабки Тоси огородике
сидит Садко.

Пиши стихи, слагай апокрифы!
Гони волну, их пароходик!
Переселенцы из затопленных —
родились в броднях.

Ворона с хрипом пролетает,
кружит над худеньким ковчегом,
и Волга в Балтику впадает —
дождём и снегом.

* * *

— Что там по левому борту плывёт?
— Это лёд, на реке — ледоход.
— Что там по правому борту плывёт?
— Это порт, здесь сто лет, Саня, порт!

— То ли утопленник, то ли топляк?
Не разобрать, а жалко.
— Ну что ты выдупился, а, сопляк?
Дай прикурить русалке!

— А куда вы, русалки, студёной зимой,
Если лёд до корней намерзает?
— На вокзале ночуем, хорошенький мой,
Так-то, рыба моя, на вокзале.

— А куда вы, русалки, безумной весной,
Если волны суровы и льдисты?
— На вокзале ночуем, хорошенький мой,
Да ещё у знакомых таксистов.

— Ну а летом, скажи мне, идёте куда,
Если наша река высыхает?
— Проводницами ездим смотреть города,
А по правде сказать — на вокзале.

— Ну а осенью тёмная, злая вода,
Вы, конечно, опять на вокзале,
Кто же путает сети, скажи, нам тогда,
Кто нам снасти тогда обрезает?

— Это рыбки-поганки да маленький ёрш
Или вовсе, мой сладкий, Хозяин.
— Саня, ёшкин же кошкин, смотри, куда прёшь!
Что ты варежку, Саня, раззявил!

* * *

Морозный воздух свеж и груб — из льда и снега сделанный,
у человека — ледоруб, как арбалет со стрелами.

А мы тупили у реки — отважные и важные,
как есть такие рыбаки, что мало не покажется.

— Курить не будет? Здравствуй, друг! Но то не просто пьяница,
у человека — ледоруб, а парни не врубаются.

Вот-вот — отличный инструмент, чтоб льды меж нами таяли,
ведь ничего прекрасней нет взаимопонимания.

* * *

Пьём водичку из-под крана, иль я, братцы, не мужик?
Там у моря-океана красна девица лежит.

Мне баллады и былины как серпом по яйцам,
ей — русалки и дельфины поклоняются.

Воду лют, ныряют возле — голышом и топлесом,
злато-серебро приносят, снятое с утопленниц.

От курортниц занавесят, чтоб никто не подходил,
принесут и бедный крестик, что с моей упал груди.

И она заплачет, верно, над моей лихой судьбой,
только этот, братцы, первый жемчуг — бросовый, речной.

Появлюсь, скажу ей: «Хватит!» — нахлестает по щекам,
вот тогда они покатают — жемчуга так жемчуга!

Укорит, поправив платье: «Как же ты опять посмел!»
Даже пары мелких хватит мужикам на опохмел.

* * *

Лёд на реке потресканный — с перцем и солью смалец.
Ешь, говорю, да трескай ты, может, и не растаешь!
Это вчера мы трезвые здесь с мужиками шли,
лёд на куски нарезали, мелкие, вдоль лыжни.

Выпито море, вылито — горькой, солёной, пресной,
то, что на снег я выплюнул, на языке у трезвых.
Память мою завистливую с синим клеймом из дурки
выстираешь, а? — Выстираю. — Добрые вы, снегурки!

Что у тебя под клипсами — снег, завитушки, пряди?
Ты разбуди, как высохнет, по голове погладив.
Вспомню ли после, где она — лодочка с плеском, вёсла?
Ты ли растаешь первая, я ли быстрее замёрзну?

* * *

Точно прыщик скovyрнул — пил полмесяца,
Рыбы плавают по дну, Вася — крестится,
На затоне в камышах — задубелые —
Серы облака кроша, льдины белые.

Укрывается в пупырышки гусиные,
Две недели керосинил, ноги синие,
Было дело, не совру, — сильно квасил,
Но как стёклышко на льду — ни пивася.

Крестный ход смотрел в прямом по «России» —
Карасей-то, карасей накрестили!
Рыбы плавают, порхают — красиво! —
В иорданиях во своих, в палестинах.

Выплывают изо дна на поверхность,
Не поймалась ни одна — ну и хрен с ним!
Пусть живут и жить другим не мешают,
Я и сам тут рыба, только большая.

* * *

Мы поймали двух лещей, одного подлещика,
Со вчера полно борщей, щи и суп гороховый,
Я живу в краю родном, наблюдаю ход вещей,
Я живу в краю родном, разве что не окаю.
Тот кулик его хулит, тот кулик — нахваливат,
По задворкам не пройти, снег да грязь в проталинах,
Разбежались сапоги — левые и правые,
Мы же, валенки, стоим, разве что не квакаем.
Принимаем ход вещей и собак на привязи,
Изловили дыр бул щил и обратно выпустим.

* * *

*Крутится, вертится шар голубой,
а жениху — фиолетово.*

Как будто розочки на торте кремовом,
подружки в розовом и в фиолетовом —
хоть понадкусывал, помял — и то!
В цветах искусственных гудит авто!

Ах, тётки-бабушки, вокруг кружение,
Ванюша — в галстук, Ванюша женится, —
букетик брошенный размыт, как клякса, —
с опухшей рожею — застыл у загса.

Но в животе его пошлейшим образом
порхают бабочки и дупят по носу,
капу-капустницы, лимо-лимонницы,
будто шампанское, бьют в переносицу.

А над высотками в лучах прожектора
сорвалось облако, летит — волшебное,
из украшения торжеств шарами
его волшебное — над всеми нами.

* * *

Курили долго у реки — тепло на белом свете,
так выглядят их старики, как выглядят их дети.
Дрожит вечерняя заря, ну, или что-то вроде,
их банки золотом горят на низеньком капоте.

Два берега одной реки, который берег — правый?
Так выглядят их мужики, как выглядят их бабы.
Ветровки или что на них — парча, шелка, рванина? —
они из банок золотых потягивают пиво.

Вокруг — из банок лес густой, пустые — соберёт
другой — прижимистый, простой, доверчивый народ.
Их музыка отчаянна, и льётся на капот
с последними лучами их вересковый мёд.

* * *

Всем незамужним предпочитая стельных, —
здрасте, свободная касса, добавить вам биф а-ля рус? —
плох тот телёнок, который не смотрит телик
и не мечтает пастись за чикаго буллс.

Высшая лига, братец, вот ты в неё и зачислен —
новое божество, центровой у таких же божеств,
избранными нас делает метод случайных чисел,
лишняя хромосома, с небес указующий перст.

Все остальные — на бойню, бывайте, парни!
Кинуть вам в небо кабельное? Думаю, что — легко.
Всё потому, что мамка моя любила иван-да-марью
и у неё было горькое чёрное молоко.

* * *

вот посмотришь в окно на закат,
видишь — утка летит,
а за нею и чайка летит.
так болит голова,
что уже ничего-ничего не болит.
отойдешь от окна,
но вернёшься назад — зафиксировать вид:
вот пьянчужка идёт вдоль кустов по аллейке,
не похожа на местных и выглядит как европейка,
вон — футболка, бейсболка, кроссовки, горячечный рот,
только кожа её выдает.
так и смотришь в окно на закат —
этот вид так себе:
никого на качелях, кусты в лопухах,
белый свет
подозрительно тих,
лишь гудит вдалеке пароходик,
в общем, жизнь пролетает,
но вовсе не движется вроде.

* * *

— Только лампочку вкрутил, до чего ж обидно —
Невидимку обронил — ничего не видно!

— Да пошто тебе она, невидимка эта?
— Мне плевать, а вот жена... Как теперь без света?!

— Ну а ты чего завял — хмурый и тверёзый?
— Телогреечку продал, а душа — замёрзла.

* * *

Подумать о хорошем — тепло под душегрейкой,
и прилетает коршун следить за канарейкой,
снегирь несёт фонарик, ворона — козий сыр,
синица освистает и дальше посвистит.

Ах, душегрейка пыльная, больная голова,
и выросли бы крылья, да пустые рукава,
по зёрнышку, по желудю — на каждый птичий чвирк,
а канарейка — жёлтая, он не видал таких.

Охотился за рыбами, пустился в перелёт,
но канарейка прыгает, покоя не даёт.
Кружи под тусклым месяцем, где серы воробьи,
ну а она пусть светится, как лампочка, в окне.

* * *

С молочной дырочкой во рту, напичканной вареньем,
я показать тебе иду сложение в примере,

я говорю набитым ртом, кручусь вокруг волчком я,
и смотрит на меня котом соседский кот учёный.

Я говорю тебе: «Лови!», верчусь вокруг юлой,
и скачет кошка — дух любви за маленькою мной.

И кот — учёный, не простак, и кошка — дух любви —
все подтвердят: да, было так. Как не было, увы.

* * *

Собака гавкнула, и маленькое «тяф»,
Как облачко, висит над серым ухом,
Хозяин высморкался деланно в рукав,
Хозяин выдал шутку-прибаутку.
Молчим. Смешно, но нам не до забав,
И наши лица розовы, но хмуры,
Стоим и выдыхаем облака,
Как кукольники или стеклодувы.

* * *

Среди зимы, в сугробы заметённой,
Стоит один — заплакан и бескрыл,
Апухтин — синий, Анненский — зелёный,
И голос был, и голос говорил.

И он взлетел, стал голосу послушен,
И он старался из последних сил,
Дракон летучий или змей воздушный
Его над нами всеми возносил.

Он понял всё, он был пацан смышлённый,
Пока мы все толпились на реке,
Апухтин — синий, Вяземский — зелёный
Летели в тонком рыжем рюкзаке.

Он слышал их, он замер, неподвижный,
Он, как комета, в воздухе завис,
Летели ноги, валенки и лыжи,
А не тянули, как обычно, вниз.

Лишь он один — худой, прыщавый, длинный,
За каждого, кто был уже прочтён,
Взлетел тогда со школьного трамплина
С зелёными и синим за плечом.

* * *

*Заплетается язык, заплетае...
— Покажи, что у тебя во рту?
Пионер за обе щёки уплетаёт
вязь арабскую — конфету «Кара-кум».*

У неё было много чего от Африки,
а самое главное — вид не зимний,
руки её — бурые зяблики, руки мои — красные зяблики,
в одинаковых варежках на резинках.

До чего же мы были смешные маленькие,
и что каждый раз меня поражало —
с головы её, войлочной, точно валенок,
всё время сваливалась ушанка!

О, эта ушанка — мужская, красивая!
Предмет моей зависти нездоровой —
у меня была кроличья мягкая зимняя
с отвратительными помпонами.

И когда я расспрашивала её робко,
жизнь моя висела на волоске:
её папа был, не представить, в Конго,
её мама была в Москве.

Птица райская ты, пионерка Сима,
мой товарищ ты, хулиган и брат,
ещё помнишь ли минтаевую зиму?
Как копили мы на жаркий шоколад?

И когда наконец двести грамм наши взвесили
и мы раздербанили свёрток,
половина конфет была мягкой и плесневелой,
а половина — твёрдой.

Мы тогда всё выбросили под лестницу,
но сейчас приврать мне хочется и придумать,
что мы его ели, и было нам весело,
и не было слаще того «Кара-кума».

* * *

Мелко дрожит река, дыма струится хвост,
каждого дурака не обойдёшь за семь вёрст,
всякие облака, если смотреть сквозь пальцы,
вроде уже канва, вроде уже на пальцах.
Вышей на них врата — водка, убогий телик
или какие там виды других рукоделий?
Переходящему вброд всякое поколено
выйдет из врат теплоход, полный шипящей пены,
старый радист — та-дам — врубит Пиаф за шторой,
пиф-паф — и ты упал, музыкой поражённый.

* * *

У причала учебных судов, вросших в лёд, как в слюду,
Мальчик в шапке волшебной плывёт и летает по льду
Или тает на льду — ну так что? — улети, будто снег, —
Километры пути, фигурист мой, мой Чук. Или Гек.

Подо льдом города и кремлёвские звёзды во лбу,
Он приехал сюда в однотоща так поздно году,
Он не видел реки, он привык к захолустью, к пруду,
Он хотел сотню книг, но с собой можно было одну.

А под шапкой — да стой! — лес густой и намокший вихор,
Есть и мама, и пёс, и отец, что уже перебор.
Он не видел реки, он привык — всё болота да лес,
Он и моря не видел, но можно и с морем, и без.

Но не встряхивай резко, а то заболит голова,
Дорогущий немецкий тяжёлый свой шар из стекла,
Отодвинь занавеску, смотри — над прозрачной рекой
Воздух сбит и потрескан и снег голубой-голубой.

* * *

Тянут деревья когтистые руки,
ветки кустов как олени рога,
мишки — на севере, птицы — на юге,
посередине — твой город в снегах.

Спит твоя девочка — лютик, ромашка,
кровь с молоком, геркулес на воде —
в жёлтой коробочке пятиэтажной,
в кукольном домике, в Вологде-где.

* * *

Там, где тебе горячо-горячо — щёки, загривок, пах, —
Тысячи слов написать, но ещё путаться в этих словах.
Выцвели синие васильки после ночей бессонных,
Кто-то расставил в словах силки на соловьёв и соек,
Наговорил на вине, на воде, переложил страницами,
Пусть я поймаю тебя на те, что не тебе написаны.

Дзинтари

1

Всё никак я не усну, чудится мне всякое,
как поранил я сосну, а она — заплакала.

Эту дрожь мне не унять, ты прости соколика:
соскользнула рукоять моего топорика.

Плачет, плачет, как дитя, вся сбежалась улица,
а обидел я тебя — только улыбнулась ты.

Посмотрела на меня, просто посмотрела,
золотого янтаря бусики надела.

И никак я не пойму, что со мной такое, —
нет теперь ни наяву, ни во сне покоя.

2

Там, где поют сирены разными голосами,
вышла одна из пены с оранжевыми глазами.
«Не вези, — говорит мне, — моряк, из далёкой страны
ни весенней хурмы, ни сухой, как доска, камбалы,
там, где придётся бросить в следующий раз якоря,
полные горсти бери одного янтаря».

И вот я стою одуревший — достаю козырную карту:
«Есть здесь хороший клубешник, называется «Юрас варты».
Через камушки запотевшие преломляется каждое слово,
так какого же, право, лешего, то есть дьявола, верно, морского?!

И в какие морские пучины повергает твоё молчание?
Ничего со мной не случилось, никогда ничего не случается!
Но мобильник звенит за пазухой или сердце моё разбитое?
Только слышно яснее ясного: дзинтари, дзинтари, дзинтари.

3

У местного рыбака,
застывшего у маяка,
блеснёт на крючке камбала,
как будто всегда там была.
У плоской как блин камбалы —
блестящее белое пузо,
волшебная сила искусства —
мы верим в такое, увы!
Оле! И ещё раз — оле!
Ну да — это гимн камбале,
висящей на ниточке низко
в просоленном небе балтийском,
в заплаканном небе, так грустно!
Но — взмах, и на ниточке — пусто,
махнула хвостом и — пока! —
великою силой искусства
поэт победил рыбака.

Юрас варты — морские ворота; *дзинтари* — янтари (*латыш.*).

* * *

Если судить по сноскам,
то все поэты Свердловска
переезжали да переезжали
и вот уже — за рубежами.

Если судить по говору,
то все поэты Вологды
всё собираются — не соберутся
или успели вернуться.

Слышишь, как песня грустна?
Мы ещё пьём на русском —
ах, отвори поскорее калитку! —
но неродные напитки.

Впрочем, когда-то и водку
нам привозил Ваня Волков,
он был проездом, недолго, увы,
из дружеской нам Костромы.

* * *

«Да на что он нужен, весь этот ваш скользкий глянец?!»
Я вспоминаю, как баба Галя поводит сурово бровями,
глядя, как я сгружаю на пол
то и дело вываливающиеся из коробки
Digital Photo,
журналы *Афиша*,
старые каталоги *ИКЕА*,
невесть откуда взявшийся там журнал *MAXIM*.
«Вот этот — хороший, —
неожиданно одобряет она *Большой город*, —
и гореть будет, и золы много,
а от этого, полированного, — один чад!»
«А самое лучшее, — мечтательно говорит она, —
это, конечно, старые обои,
пересохшие,
даже если и с клейстером.
Разжигать ими — одно удовольствие,
и если много, то баню летом и протопить можно.
А уж зола-то от них какая!
Жаль, что сейчас их нигде не найдёшь,
один этот ваш глянец,
тонюсенькая бумага,
полированная печать.
Лежат вон, с прошлого раза ещё привозила —
не жгу и из компостной ямы вытащила,
даже не преют — один целлофан!»
Я смотрю сейчас на свою новую книгу —
плотная бумага-стограммовка, офсетная печать,
ну, обложка, пожалуй, чуток подкачала,
а в остальном, думаю, баба Галя одобрит!

Содержание

«Даже не волей — порывом отчаяния...»	3
«Всё мне кажется: я иду по дну...»	4
«Лампа тусклая, призрачный матовый свет...»	5
«На привокзальной плац-парадной...»	6
«Дух бестелесный, он реет и там, где не хочет...»	7
«На башенном кране написано «РЖЕВ»...»	8
«Говорит дед Никола, окая...»	9
«Хорошо да сладко спать, не бояся мёртвых...»	10
«Вырви с корнем лопушок...»	11
«Стрекочут старенькие ходики...»	12
«Намотали километры и сигналият у дверей...»	14
«Как твоих растить нам мальчиков?..»	15
«Плачет виноватка — жизнь на волоске...»	16
«В срочном ремонте золота и серебра...»	17
«Как круглей всего земля с северу...»	18
«Идёт Никола зимний...»	19
«Всё вокруг темно и страшно — бука злобный схватит...»	20
«Как Марусенька овечка потеряла...»	21
«Ты скажешь: «Всё это было там, где пароходы...»	22
«В детском парке катают на пони...»	23
«Живут на угоре два брата...»	24
«Стоит — рукав замызганный — и радостное пьёт...»	26
«Эти крыши, колокольни и мосты...»	27
«Дайте, девочки, ваду мне!..»	28
«После долгой болезни, ну — поймали — запоя...»	29
«Дыша духами и туманами...»	30
«Почталыонша Люсенька — зад в горохах жёлтых...»	31
«Лёд-ледок — на молочный зубок...»	32
«Саня Горыныч, всё то, что ты как бы ну пьёшь...»	33
Гром и Гром	34
«И вот они плывут на плотике...»	35
«Что там по левому борту плывёт?..»	36
«Морозный воздух свеж и груб ...»	38

«Пьём водичку из-под крана...»	39
«Лёд на реке потресканный...»	40
«Точно прыщик сковырнул — пил полмесяца...»	41
«Мы поймали двух лещей, одного подлещика...»	42
«Как будто розочки на торте кремовом...»	43
«Курили долго у реки — тепло на белом свете...»	44
«Всем незамужним предпочитаю стельных...»	45
«вот посмотришь в окно на закат...»	46
«Только лампочку вкрутил, до чего ж обидно...»	47
«Подумать о хорошем — тепло под душегрейкой...»	48
«С молочной дырочкой во рту...»	49
«Собака гавкнула, и маленькое «тяф»...»	50
«Среди зимы, в сугробы заметённой...»	51
«Заплетается язык, заплетаете...»	52
«Мелко дрожит река, дыма струится хвост...»	54
«У причала учебных судов ...»	55
«Тянут деревья когтистые руки...»	56
«Там, где тебе горячо-горячо...»	57
Дзинтари	58
«Если судить по сноскам...»	60
«Да на что он нужен, весь этот ваш скользкий глянец?!»	61

Ната Сучкова. Ход вещей

редактор:

А. Переверзин

художник:

С. Труханов

корректор, технический редактор:

О. Тузова

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru

alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 10.09.2014.

Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 4

Тираж 500 экз.

